

Статья выдающегося художественного и музыкального критика В. В. Стасова «О роли фортепиано в музыке и о Листе» — самое первое его произведение о творчестве великого венгерского пианиста и композитора. Она написана в 1852 году, но в печати так и не появилась. Мы публикуем отрывок из этой статьи по подлиннику, который хранится в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом). Публикацию подготовила Е. ГОРДЕЕВА.

В. В. СТАСОВ О Ф. ЛИСТЕ

● И. Е. Репин. набросок к портрету Френца Листа. 1882. Из фондов Государственной Третьяковской галереи.

НА Листе останавливается теперь цепь фортепианных деятелей. Им сказано до сих пор последнее слово в значении и объеме средств фортепианных, которые им расширены больше, чем каждым из его предшественников. Главная его заслуга в том, что больше каждого из них он владеет тайнами фортепианного звука, бесчисленными акустическими подробностями, в которых роль играет не один удар, но еще расположение рук, их переплетения, перекрещивания, сила звука, получаемая от того или другого расположения пальцев, к которому они бывают вынуждены известною фигурою фортепианною, известным рисунком. Одним словом, в его руках бесчисленные подробности фортепианного исполнения, которым он нашел средство придавать твердость навсегда, для всех исполнителей, таким образом, что у других, кроме него, будут выходить эти акустические подробности. Между тем как предшественники Листа были живописцы по музыке и только бросили первые семена граверного музыкального искусства, произвели первые оттиски, Лист, найдя это искусство уже родившимся, принял на себя всю его задачу, разработал ее всю, и теперь, в его руках, оно пришло в полный цвет сознательности и силы, в состоянии выполнять самые огромные предприятия, для него нет останавливающих пределов, развитие впереди является бесконечным и великолепным.

Для возможности того, что сделал Лист для музыкального граверного искусства, необходим был прежде всего гениальный дух, который бы был в состоянии принимать в себя произведения музыкальные во всей их полноте, эта здоровость понимания, которая принадлежит столь немногим; способность пропитаться насквозь всюю жизнью и каждым последним фибром музыкального произведения, вечная ответственность впечатления. Потом, должна была принадлежать столько же полная способность передавать назад в объективный мир звуками прочитанное в безмолвных страницах, весь священный огонь, загоревшийся в груди и осветивший новосозданный и почувствованный мир и для этой объек-

тивной передачи все средства, как богато полный всеоружием арсенал, должны были лежать в руке. То есть, надобно было быть гениальным музыкальным исполнителем: совокупностью всего сделанного многочисленными музыкальными исполнителями-виртуозами, к чему прибавился бы дух гениальный.

Листа невозможно называть фортепианным виртуозом, каковых до сих пор было столько и, конечно, всегда будет много — личности все больше или меньше прекрасные. Лист, по невероятной совокупности всего в нем лежащего, глубины и непостижимого совершенства передачи во внешний мир принятого в себя, представляет явление до сих пор небывалое, потому что нет какого-нибудь рода музыки, который был бы свойственнее его исполнению, чем другой.

Всеобщность и всеобъемлемость — главные черты его физиономии. По глубокости и истине своего таланта он с самым поразительным совершенством своим, с самым потрясающим из своих действий является тогда, когда исполняет высшие произведения человеческой музыкальной способности. Лист всего больше велик тогда, когда исполняет произведения великие, между тем как по односторонности и исключительному направлению своему к чему-нибудь в особенности, к пониманию и передаче которой-нибудь одной из сторон человеческого духа, иногда даже только которого-нибудь оттенка его, почти что все исполнители принуждены либо приискивать в сочинениях музыкальных сочинителей то, что доступно их натуре, особливо все больше приближающиеся по концертности, либо постоянно держаться при исполнении одних своих произведений.

Всякий раз, когда Листу приходила мысль о том жестоком условии исполнения музыкального, что после никакой самой гениальной личности, когда эта личность принадлежит музыкальному исполнителю, ничего не остается и не может остаться жить на будущие времена, что вместе с ним исчезнет его имя, которое еще несколько времени удержится в памяти людей, а потом соотрется, чтобы никогда больше не быть узнано, имя его, духа столь же великого, как дух гигантов-сочинителей, Моцартов и Бетховенов, — глубокое отчаяние приходило отравлять жизнь его, затемнять великолепные торжества, везде его встречавшие, заглушать радостные крики толпы, собиравшейся вокруг его фортепиано.

Много раз выразил он это свое отчаяние, безутешное, ничем не заглушимое, в своих чудесных письмах. Но не пропадет его имя, ему всегда суждено осеять творца, перенесшего всю свою гениальность, все результаты своей недосыгаемой игры в новое искусство, им созданное и распустившееся у него пышным цветом, искусство, которому музыка будет обязана огромными успехами, потому что не только изумительные гравюры его принудили фортепиано к развитию небывалому, но дают музыке новый полет, заставляя делаться оркестр еще громаднее, многоголоснее и многоязычнее. История музыки показывает, что едва фортепиано достигало средств оркестра, оркестр стремился к новым многосложнейшим и многосоставнейшим формам, а эта готовность оркестра к новым, еще небывалым предприятиям, к новым выражениям, новым звукам, новым ходам давала еще более широкий и великий полет мысли композитора, давала открытие целых новых областей мысли.

Хотя собственно по назначению своему Лист — гравер, но он разработал фортепиано не для одного граверного искусства. Как мы сейчас упоминали, огромность выработанных им для фортепиано средств должна иметь сильнейшее влияние и на музыкальное оркестровое сочинение. Тем больше должно простираться это влияние на будущее фортепианное сочинение, однородное, но разнородное с оркестрным. Со времени листовских переложений фортепианному сочинению принадлежит, как неперемнная обязанность, самое огромное развитие, ожидающее только новых великих авторов, как Бетховен или Вебер, средства для него выработаны самые необыкновенные. Поэтому Листу должно принадлежать в отношении фортепиано название полного устройства, организатора, сказавшего последнее, решительное слово в деле этого устройства, решившего окончательно двойственную роль фортепиано в отношении его к искусству музыкальному.

14 ИЮН 1970